

УДК 1(091)

Милованова Т.С.

Московский государственный областной университет

**ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ОЦЕНКЕ
ФИЛОСОФОВ РУССКОГО КОСМИЗМА В.С. СОЛОВЬЕВА И
Н.Ф. ФЕДОРОВА**

T. Milovanova

Moscow State Regional University

**LERMONTOV'S PERSONALITY APPRECIATED BY RUSSIAN COSMIST
PHILOSOPHERS V.S. SOLOVYEV AND N.F. FYODOROV**

Аннотация. В статье сопоставляются точки зрения русских философов-космистов В.С. Соловьёва и Н.Ф. Федорова на личность и творчество М.Ю. Лермонтова. В отличие от статьи В.С. Соловьёва «Лермонтов», хорошо известной лермонтоведам, возражение Н.Ф. Федорова своему младшему современнику изучено мало и потому представляет значительный интерес. Выявляются сходства и различия философских концепций указанных авторов. Подчёркивается обусловленность их взглядов на великого русского поэта эпохой, в которую жили философы, а также их собственными религиозно-философскими воззрениями. Определяется значение работ В.С. Соловьёва и Н.Ф. Федорова для современного лермонтоведения.

Ключевые слова: бессмертие, космизм, религиозная философия, сверхчеловек, творческая личность, христианство.

Abstract. The article considers the views of V.S. Solovyev's and N.F. Fyodorov's (Russian cosmist philosophers) on M.Yu. Lermontov's works and personality. In contrast to V.S. Solovyev's well-known article «Lermontov», N.F. Fyodorov's objection to his younger contemporary is less studied and therefore presents considerable interest. The author reveals points of similarity and differences between the two philosophers and stresses the fact that their views of the great Russian poet were largely conditioned by the epochs they lived in and their own religious and philosophical creeds. In conclusion the author underlines the importance of V.S. Solovyev's and N.F. Fyodorov's works for modern study of M.Yu. Lermontov.

Key words: immortality, cosmism, religious philosophy, superman, creative personality, Christianity.

Личность Лермонтова, его духовный облик и по сей день вызывают много споров среди литературоведов. Воспоминания современников о поэте слишком разнородны и противоречивы, чтобы по ним можно было составить целостную картину. Родственник и близкий друг Лермонтова А.П. Шан-Гирей вспоминает о нём как о дружелюбном, общительном, весёлом и разносторонне одарённом человеке. В.Г. Белинский, по воспоминаниям И.И. Панаева, с восторгом отзывался о «нежной и тонкой поэтической душе» Лермонтова [5, 167], Ю.Ф. Самарин отмечал его «детскую откровенность» [6, 384]. Но в то же время в воспоминаниях других людей Лермонтов предстаёт холодным, необщительным, замкнутым, исполненным презрения к окружающим.

Не меньше вопросов вызывает и соотношение личности Лермонтова с личностями его героев. Насколько их переживания были близки автору? Был ли поэт таким же разочаровавшимся в жизни, как Печорин, вёл ли он такую же «с небом гордую вражду», как Демон? Если нет, то почему он изображал таких героев? Если да, то как мог подобный человек написать такие стихотворе-

© Милованова Т.С., 2011.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., ГК №2406 от 18 ноября 2010 г. «Религиозно-этический и философский потенциал поэзии М.Ю. Лермонтова».

ния, как «Молитва», «Ангел», «Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива...»?

Можно сказать, что каждая новая эпоха по-своему отвечает на эти вопросы, и каждое новое поколение по-своему прочитывает Лермонтова, отмечая в нём те черты, которые хочет видеть, толкуя его в соответствии с духом своего времени и, таким образом, открывая в его творчестве новые грани. Поэтому немалый интерес для лермонтоведения представляет не только изучение жизни и творчества Лермонтова, но и изучение того, как менялись представления о поэте в разные эпохи. В контексте этой проблемы осмысление личности Лермонтова в работах крупных отечественных философов, которые, не являясь его современниками, тем не менее были близки ему в духовном, а в определённой степени и профессиональном плане, заслуживает особенно пристального внимания. Анализ творчества М.Ю. Лермонтова в этом аспекте интересен и тем, что русские мыслители опираются не только (и не столько) на общепринятые критерии оценки литературных произведений, а привносят в них свою философскую (мировоззренческую) позицию.

Как известно, В.С. Соловьёв и Н.Ф. Федоров являются яркими представителями русского космизма, его философско-теологического направления. В литературном произведении представители данного направления, как правило, выделяют такие черты, как размытость граней потустороннего и этого миров, где земное пространство переходит в космическое, а историческое время соседствует с вечностью; единство мира и взаимоотражение друг в друге разнородных явлений – «всё во всём»; возможность ментального соседства пространственно разделённых предметов и явлений. В их оценке физическое и психическое состояние людей, как правило, напрямую связано с состоянием и поведением небесных светил. Отчасти это можно найти и в оценке творчества М.Ю. Лермонтова В.С. Соловьёвым и Н.Ф. Федоровым. Но они соотносят его также с собственными концепциями мировидения. В них мыслители едины в понимании

христианского космоса, не данного нам, а заданного. Сегодня это беспорядок и хаос, мир неразумия, и такое состояние есть следствие падения человека, так как изначальный мир, судя по Творцу, был миром невинности и чистоты – поэтому и необходим всеобщий синтез (всеобщее единение). В то же время В.С. Соловьёв и Н.Ф. Федоров различны в поиске «нового» состояния.

К числу известных философских работ указанных авторов принадлежит статья В.С. Соловьёва «Лермонтов» (прочитана как лекция в 1899 г., опубликована в виде статьи в 1901 г.). Обычно, говоря о ней, упоминают также возражение Д.С. Мережковского В.С. Соловьёву. Взгляды двух философов на Лермонтова сопоставляются (а порой даже и противопоставляются), анализируются, соотносятся с данными биографии Лермонтова. Но мало известен тот факт, что Н.Ф. Федоров, один из родоначальников русского космизма, также написал своё возражение на статью В.С. Соловьёва о Лермонтове – «Бессмертие, как привилегия сверхчеловеков». Несомненно, что анализ федоровской точки зрения на великого поэта поможет взглянуть на творчество Лермонтова под несколько иным, непривычным углом.

Но вначале необходимо вспомнить основные положения статьи В.С. Соловьёва, чтобы понять, что именно вызвало возражение Н.Ф. Федорова. Для В.С. Соловьёва Лермонтов – «прямой родоначальник того духовного настроения и того направления чувств и мыслей, а отчасти и действий, которые для краткости можно назвать «ницшеанством» [6, 379]. Однако это ещё не повод осудить Лермонтова, так как, помимо очевидного заблуждения, в ницшеанстве содержится, по мнению В.С. Соловьёва, и «несомненная истина» (высказанное суждение восходит к идеям, отражённым в одном из фундаментальных произведений В.С. Соловьёва «Чтения о богочеловеке» (1877-1881 гг.), где он, в частности, развивает представление о Совершенном человеке, который является соединением Софии и Логоса).

Заблуждение ницшеанства – в том, что оно заключает в себе «презрение к человеку,

присвоение себе *заранее* какого-то исключительного и сверхчеловеческого значения – себе, или как одному «Я», или «Я» и К°, – и требование, чтобы это присвоенное, но ничем еще не оправданное величие было признано другими, стало нормою действительности» [7, 379-380], и это, конечно, «большое заблуждение». Однако идею сверхчеловека В.С. Соловьев не отрицает, а истолковывает по-своему. «Вся история, – пишет он, – состоит в том, что человек делается лучше и больше самого себя, перерастает свою наличную действительность, *отодвигая* ее в прошедшее, а в настоящее *вдвигая* то, что еще недавно было противоположным действительности, – мечтою, субъективным идеализмом, утопией» [7, 380]. Вершиной этого совершенствования должно стать преодоление «нестерпимого противоречия» смерти: «Ежели человек есть прежде всего и в особенности *смертный*, т. е. подлежащий смерти, побеждаемый, преодолеваемый ею, то сверхчеловек должен быть прежде всего и в особенности победителем смерти, т. е. освобожденным (освободившимся?) от существенных условий, делающих смерть необходимою, и, следовательно, исполнить те условия, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерши, воскреснуть» [7, 382]. Задача гения, сверхчеловека – найти самому этот путь к бессмертию и указать его другим. Таким образом, для В.С. Соловьева гениальность налагает на человека определенную ответственность (сходные мысли выражены им в статье «Судьба Пушкина»). «Если может, то и *должен*» [7, 380] – вот нравственный критерий, по которому философ оценивает гениальную личность.

Он отмечает, что «Лермонтов, несомненно, был гений, т. е. человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку, получивший задатки для великого дела, способный, а следовательно, *обязанный* его исполнить» [7, 383]. По мнению В.С. Соловьева, сделать это поэту не удалось, поскольку «с ранних лет ощутив в себе силу гения, Лермонтов принял её только как право, а не как обязанность, как привилегию, а не как службу. Он думал, что его

гениальность уполномочила его требовать от людей и от Бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно их ни к чему» [7, 390]. Отсюда презрение поэта к другим людям: «эта высокая самооценка уже от ранних лет связана у него с слишком низкой оценкой других, – всего света, оценкой, заранее составленной, выражающей черту характера, а не результат какого-нибудь действительного опыта» [7, 390]. Такой подход к себе и окружающим, по-видимому, противоречит одной из основополагающих мыслей В.С. Соловьева о том, что познание человеком Бога возможно путём любви, отказа от своей сущности, человеческой исключительности, в результате которого наступает жизнь человеческой личности в Боге.

Осуществить своё призвание мешают Лермонтову три его демона: демон злобы, демон нечистоты и демон гордости. Первый с детских лет заставлял поэта искать удовольствие в том, чтобы «терзать слабые создания» [7, 393]. Именно с этой точки зрения В.С. Соловьев рассматривает тот факт, что Лермонтов «разрушал спокойствие и честь светских барынь» [7, 393]. Возможно, философ намекает здесь на эпизод из биографии поэта, связанный с Е.А. Сушковой, которую он скомпрометировал в свете без всякой видимой на то причины. По крайней мере, не один В.С. Соловьев рассматривает эту историю как проявление демонического начала в Лермонтове. Той же точки зрения придерживался и Н.О. Лосский, объясняя «низменное поведение Лермонтова в отношениях с Сушковой» его «сатанинским честолюбием», для которого «сами злые деяния суть положительные самоценности, поскольку они удовлетворяют гордыню»; «первенство, как победа над другими деятелями, есть самоцель» [4, 299].

Впрочем, по свидетельству самого Лермонтова, он обманул и скомпрометировал Е.А. Сушкову не из желания насладиться её мучениями, а лишь для того, чтобы приобрести репутацию светского льва: «Вступая в свет, я увидел, что у каждого был какой-нибудь пьедестал: хорошее состояние, имя, ти-

тул, связи... Я увидал, что если мне удастся занять собою одно лицо, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества. Я понял, что m-lle S., желая изловить меня, легко себя скомпрометирует со мною. Вот я ее и скомпрометировал, насколько было возможно, не скомпрометировав самого себя» [3, 527]. Конечно, такое поведение тоже не красит Лермонтова, однако назвать его демоническим было бы слишком сильным преувеличением. По терминологии того же Н.О. Лосского, это скорее проявление «земного честолюбия», для которого «достижение первенства есть не самоцель, а средство, именно – или показатель совершенства исполняемой деятельности, или источник обеспечения себе какого-либо другого блага (например, положения в обществе, благоприятного для свободного развертывания всех жизненных деятельностей) и т. п.» [4, 229]. Таким образом, В.С. Соловьев несправедливо усмотрел в поведении Лермонтова с Сушковой проявление демонической злобности.

Что же касается другого демона, «демона нечистоты», то, по мнению В.С. Соловьева, именно он диктовал поэту всевозможные непристойности в его стихотворных произведениях. Скорее всего, здесь имеются в виду «юнкерские поэмы» Лермонтова. На их счёт в литературоведении существуют разные мнения, однако не следует забывать, для какой аудитории они были написаны. Конечно, в юнкерской среде были популярны песни и шутки нескромного содержания. От юнкеров «обычаи школы требовали известного ухарства. Понятия о геройстве <...> были своеобразные и ложные» [2, 159]. То, что Лермонтов не желал ни в чем не отставать от своих однокашников, в том числе и в их непристойных шутках, объясняется, возможно, тем, что, будучи человеком самолюбивым, он «боялся попасть в число «маменькиных сынков» и потому старался бравировать и сразу получить репутацию «лихого юнкера» [2, 160]. Опять же, не самое, может быть, разумное поведение, но всё-таки приписывать Лермонтову патологическую одержимость «демоном нечистоты» было бы ошибочно.

И, наконец, третий демон, демон гордости, по мнению В.С. Соловьева, мешал Лермонтову бороться с первыми двумя: «он нашептывал: «Да, это дурно, да, это низко, но ты гений, ты выше простых смертных, тебе все позволено, ты имеешь от рождения привилегию оставаться высоким и в низости...» [7, 394]. Отсюда вывод: «Как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга – развить тот задаток великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству, – но этого мы от него не получили» [7, 397-398].

Однако В.С. Соловьев написал свою статью совсем не для того, чтобы осудить Лермонтова. По мнению философа, люди настоящего должны чувствовать свой долг перед людьми прошлого и стараться исправить ошибки своих «отцов», т. е. предыдущего поколения. «Прежде чем быть обязанным относительно наших современников – братьев по человечеству и относительно потомства – наших детей по человечеству, мы имеем обязанность к отшедшим – нашим отцам в человечестве, – и, конечно, Лермонтов принадлежит к таким отцам для современного поколения. Так не требует ли от нас обязанность сыновней любви и почтения восхвалять Лермонтова за все то многое в нем, что достойно хвалы, и молчать о другом? Я не так понимаю сыновнюю любовь и ее обязанность. <...> Обязанность сыновней любви к такому отцу, конечно, потребует от нас не того, чтобы мы восхваляли его заслуги и дарования, а того, чтобы мы помогли ему снять с себя или, по крайней мере, облегчили удручающее его бремя. <...> И у Лермонтова с бременем неисполненного призвания связано еще другое тяжкое бремя, облегчить которое мы можем и должны. Облекая в красоту формы ложные мысли и чувства, он делал и делает еще их привлекательными для неопытных, и если хоть один из малых сих во-

влечен им на ложный путь, то сознание этого, теперь уже невольного и ясного для него, греха должно тяжелым камнем лежать на душе его. Обличая ложь воспетого им демонизма, только останавливающего людей на пути к их истинной сверхчеловеческой цели, мы во всяком случае подрываем эту ложь и уменьшаем хоть сколько-нибудь тяжесть, лежащую на этой великой душе» [7, 398].

Такое понимание сыновнего долга, долга живущих перед умершими, было близко философии Н.Ф. Федорова, который также писал об обязанности сына по отношению к отцу, о «нравственности объединения, нравственности сынов, сознающих утрату, свое сиротство, и только в исполнении долга к отцам находящихся свое благо, свое дело» [10, 396].

Однако В.С. Соловьев писал только о необходимости исполнить то, что не было исполнено отцами, тогда как Н.Ф. Федоров утверждал необходимость воскрешения самих отцов. Этим он постулирует одну из своих главных идей – идею о необходимости победы над смертью («учение о воскрешении», или, более развёрнуто – «учение об объединении живущих сынов для воскрешения умерших» [11]). Для Фёдорова «трудовое воскрешение» является возможностью, вытекающей из духа христианского учения [10, 396]. «Воссоздание из земли всех умерших, освобождение их от власти земли и подчинению всех земель и всех миров воскрешенным поколениям – вот высшая задача человечества, его высший долг и вместе – высшее благо. Сознание, что всякое последующее поглощает предыдущее, создает для последующего категорический императив возратить поглощенное. Последующее же, понимаемое как сын предыдущего, воссоздает еще нечто высшее: воссоздает к жизни отца, от которого сын получил жизнь. Высший императив (приказ) может быть создан только высшей любовью» [9, 136]. Если В.С. Соловьев мечтал о бессмертии для будущих поколений, о бессмертии, путь к которому должен найти сверхчеловек, то Н.Ф. Федоров считал: «Бессмертие, как привилегия только сверхчеловеков, не есть ли величайший эгоизм, несрав-

ненно больший, чем бессмертие, понимаемое как привилегия даже всех живущих, хотя и такое бессмертие также есть в сущности страшный эгоизм, ограничивающий высшее благо (бессмертие) одними живущими, одним поколением и отказывающий в нем всем умершим? Или, может быть, люди настолько забыли свой долг к умершим, к отцам, давшим им жизнь, что им придется пережить ужас такого привилегированного бессмертия, разделяющего присных, близких, одного от другого, брата от брата?» [8, 138].

С этой точки зрения Н.Ф. Федоров рассматривает и творческую личность Лермонтова, «очевидно, им (В.С. Соловьевым – Т.М.) не понятого» [8, 139]. Он отрицает сходство великого поэта с Ницше. Перефразируя слова самого Лермонтова, он говорит, что тот возразил бы В.С. Соловьеву: «Нет, я не Ницше, я иной» [8, 139]. По мнению Н.Ф. Федорова, ницшеанское «сверхчеловечество есть отрицание отечества и братства», а следовательно, провозглашение человека «блудным сыном», «ибо отречение от общего великого дела осуждает на блуждание и заблуждение» [8, 136]. В другой своей работе он пишет, что «оно [сверхчеловечество] безусловный порок сатанинского происхождения, когда состоит в превосходстве одного или нескольких лиц над себе подобными, то есть над отцами и братьями» [9, 135]. «Оно становится наивысшим пороком, когда доходит до присвоения себе бессмертия, как привилегии, то есть до превозношения себя над всеми, уже умершими и еще не умершими» [9, 135].

По мнению философа, к такому сверхчеловечеству Лермонтов никогда не стремился. «Лермонтов был любящий сын» [8, 139], – пишет он. Можно было бы добавить: и любящий внук, поскольку трогательная привязанность поэта к своей бабушке, Е.А. Арсеньевой, отмечалась многими из тех, кто знал его лично. Также нельзя не упомянуть, что Лермонтов дорожил своими детскими воспоминаниями о рано умершей матери и страдал из-за своей разлуки с отцом. Острое переживание своего сиротства, желание обрести

семью находит выражение и в творчестве поэта, в образах таких героев, как найденыш Фернандо из юношеской драмы «Испанцы», «раб и сирота» Арсений из поэмы «Боярин Орша», свободолюбивый горец Мцыри из одноименной поэмы¹ [1, 129-145].

Однако Н.Ф. Федоров не склонен идеализировать Лермонтова. По его мнению, поэту всё-таки не удалось до конца осуществить своё высокое предназначение. Но, в отличие от В.С. Соловьева, он видит причину не в демонизме лермонтовской природы, а всего лишь в неведении: «Если бы долг воскрешения был известен Лермонтову, как он был известен Соловьеву, поэт не был бы Печоринным» [8, 139]. Можно, конечно, поспорить с философом по поводу правомерности отождествления Лермонтова с Печоринным (ещё сам автор в предисловии к своему роману иронизировал над теми, кто счёл Печорина всего лишь его портретом), однако нельзя не согласиться с тем, что обвинения в злобности и уж тем более одержимости демоном должны быть с Лермонтова сняты.

Статья заканчивается утверждением, что «за ложным началом, которое видит Соловьев в Лермонтове, кроется что-то иное» [8, 140]. Однако что именно представляет собой это «иное», Н.Ф. Федоров подробно не разъясняет.

Насколько актуальна статья «Бессмертие, как привилегия сверхчеловеков» в наши дни? Следует ли, по примеру Н.Ф. Федорова, стараться отыскать в творчестве Лермонтова «что-то иное», противоположное тому, что о нём говорилось ранее? Думается, что это стоит сделать.

Субъективность, одиночество, презрение к людям, демонизм в личности и творчестве Лермонтова обычно подчёркивались в большей степени, нежели прочие черты. В советском литературоведении, например, образ демона в творчестве Лермонтова даже причислялся к положительным (см. исследование Л.Я. Гинзбург «Творчество Лермонтова»). Стремление к одиночеству призна-

валось главной чертой личности поэта (и личности его героя).

Однако в творчестве Лермонтова есть и противоположная тенденция – стремление к объективному видению мира, к преодолению одиночества, к достижению гармонии с собой, людьми, природой и Богом. Современных лермонтоведов занимают такие образы и проблемы творчества поэта, как образ дома, взаимоотношения отца и сына, трагедия одиночества и сиротства, противоречия демонизма и их преодоление. Не разделяя, может быть, идей Н.Ф. Федорова об обязательном воскрешении отцов и преобразовании человеческой природы, они, тем не менее, могут соглашаться с ним в том, что творчество Лермонтова не есть одно лишь отрицание, что за отрицанием, сомнением и противоречиями кроется и «что-то иное».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аношкина-Касаткина В.Н. М.Ю. Лермонтов. Сиротский мотив в поэзии // Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков дом, 2011. С. 129-145.
2. Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов: Биография. М.: Захаров, 2004. 416 с.
3. Лермонтов М.Ю. Письмо Верещагиной А.М. [весна 1835 г., Петербург] // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Проза и письма. М.; Л.: Academia, 1935-1937. 1937. С. 526-529.
4. Лосский Н.О. Ценность и Бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. / Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1990. С. 249-314.
5. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 448 с.
6. Самарин Ю.Ф. Из писем к И.С. Гагарину // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 383-385.
7. Соловьев В.С. Лермонтов. // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / Вступ. статья Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 379-398.
8. Федоров Н.Ф. Бессмертие, как привилегия сверхчеловеков (По поводу статьи В.С. Соловьева о Лермонтове) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Т. II. М.: Прогресс, 1995., с. 136-140.
9. Федоров Н.Ф. Сверхчеловечество, как порок и как добродетель. // Федоров Н.Ф. Собрание со-

¹ (см. об этом у Аношкиной-Касаткиной В.Н. («М.Ю. Лермонтов. Сиротский мотив в поэзии»))

- чинений: В 4-х тт. Т. II. М.: Прогресс, 1995. С. 135-136.
10. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез (т.е. Всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. Т. I. М.: Прогресс, 1995. С. 388-441.
11. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. Т. 2. – Москва: Печатня А. Снегиревой, 1913. – 473 с.

УДК 294.311

Чан Тхи Ким Оань

*Институт социальных и гуманитарных наук
при Ханойском государственном университете (Вьетнам)*

БУДДИЗМ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ ЧАН

Chan Tkhi Kim Oan

*Institute of Social Sciences and Humanities
Hanoi State University*

BUDDHISM DURING THE CHAN DYNASTY

Аннотация. В статье исследуются вопросы развития буддизма во Вьетнаме в эпоху правления династии Чан. Автор статьи прослеживает влияние буддизма во всех областях экономической, культурной, политической и общественной жизни, отмечая, что в эпоху Чан буддизм выполнял роль официальной системы ценностей в обществе, сохранившей за собой роль духовного ориентира в управлении страной. Наследуя патриотический дух буддийских монахов эпохи Ли, в эпоху Чан буддийские наставники, помимо забот о мирских проблемах, одновременно начали проповедь, создание и усиление народного национального сознания и духа, которое уже пробудилось в эпоху Ли.

Ключевые слова: буддизм, вьетнамский буддизм, конфуцианство, межкультурная коммуникация, национальная культура.

Abstract. The paper deals with the problems of the Vietnamese Buddhism under the Chan dynasty. The author investigates the Buddhist influence in all areas of political, social and economic life of this period. The main point of this article is an assertion that the base role of Buddhism was a spiritual guideline and system of values for the Vietnamese government and society of that time.

Key words: Buddhism, Vietnamese Buddhism, Confucianism, intercultural communication, national culture.

Во время правления династии Чан буддизм развивался в условиях экономического, религиозного и общественного расцвета, однако его развитие привело к появлению новых проблем в обществе. С одной стороны, опираясь на опыт династии Ли, дом Чан из опасений потерять власть заключал браки только между членами своего рода, но, с другой стороны, историческое и общественное развитие требовало того, чтобы в правящий класс всегда входило некоторое количество людей, не являющихся членами рода, – представителей интеллигенции того времени, учёных-конфуцианцев [2, 39]. Согласно «Полному собранию исторических записок Великого Вьета» («Дай виет ши ки тоан тхы») учёные-конфуцианцы стали появляться у власти с 1267 г. С этого времени наряду с аристократическим классом, состоящим из членов правящего рода, постепенно формируется аристократическая прослойка канцелярских служащих, «поверенных императора», представителями которой

© Чан Тхи Ким Оань, 2011.